

ФРАНЦУЗСКАЯ ПРАВОВАЯ СИСТЕМА НА ЮРИДИЧЕСКОЙ КАРТЕ СОВРЕМЕННОГО МИРА

© 2014 г. Мария Владимировна Захарова¹

Краткая аннотация: в представляемой статье автор обращается к онтологии французской правовой системы, определяя ее место и роль на юридической карте современного мира. В данном случае он прослеживает прямые и обратные связи между французской правовой системой и внешней по отношению к ней юридической средой; определяет степень влияния французского права на эволюцию зарубежных правовых систем. Особое внимание автор уделяет новейшему периоду в развитии французской правовой системы, связанному с распространением на ее социальных площадках европейского интеграционного права.

Annotation: the article deals with the ontology of the French legal system defining its role on the legal map of the modern world. In this particular case, the author traces direct and inverse links between the French legal system and its external legal environment as well as determines the extent of influence of the French law on the evolution of foreign legal system. Specific attention is paid to the newest period in the French legal system development which is connected with expansion of European integration law on its social platforms.

Ключевые слова: право, правовая система, интеграция, национальное, зарубежное право.

Key words: law, legal system, integration, national, foreign law.

Французская правовая система выполнила важную историческую миссию в формировании облика современной юридической карты мира. Модели развития, избранные французами для генерации национального правопорядка, стали концептуальной и нормативной основой для эволюции правовых систем по всему миру. Прежде всего представленное утверждение можно отнести к цивилистическому блоку юриспруденции. Непосредственное влияние французского Гражданского кодекса мы можем увидеть во многих странах Европы и остального мира. Профессор Р. Кабрьяк подчеркивает: “Будучи введен в действие во многих странах после прихода туда армий Наполеона, Гражданский кодекс до сих пор еще применяется в Бельгии и Люксембурге. Он действовал в романских кантонах Швейцарии до 1907 г., в Великом герцогстве Баден и некоторых рейнских государствах – до 1900 г., в княжестве Лукка и Пьомбино – до 1866 г., в Нидерландах – до принятия Гражданского кодекса 1838 г... След французского Гражданского кодекса можно обнаружить в луизианском (1808 г.) и квебекском (1866 г.) Гражданских кодексах, в Гражданских кодексах, принятых на острове Маврикий и Сейшельских островах, а также в многочисленных Гражданских кодексах, появившихся на терри-

тории Магриба и Ближнего Востока, прежде всего в странах, находившихся под французским протекторатом или мандатом, например в Обязательственных кодексах Туниса (1906), Марокко (1913), Ливана (1932)... Он был введен в 1816 г. на французском языке в Гаити, а затем распространен на всю территорию острова Эспаньола, действуя как в Гаити, так и в Доминиканской Республике”². Следует сказать и о наличии прямой рецепции французского Гражданского кодекса в историческом прошлом российского правопорядка. На протяжении 1815–1914 гг. в Царстве Польском фактически действовал французский Гражданский кодекс: вначале непосредственно (был введен Наполеоном в 1808 г.), затем с 1825 г. – путем перенесения его норм в Гражданское уложение Царства Польского, испытывавшего на себе серьезнейшее влияние французского Гражданского кодекса. В губернии Бессарабской в этот же исторический период времени действовал румынский Гражданский кодекс, являвший собой, по сути, перевод французского Гражданского кодекса³.

Интересно отметить, что страны англосаксонской правовой ориентации также стали реципиентами французского права. В частности, к концу XIX в. в Соединенных Штатах Америки судьи активно начали использовать французское

¹ Руководитель НОЦ сравнительного права, доцент и докторант кафедры теории государства и права МГЮУ им. О.Е. Кутафина (МГЮА), ассоциированный член Университета Бордо IV (Франция), кандидат юридических наук (E-mail: avis_777@mail.ru).

² Кабрьяк Р. Кодификации. М., 2007. С. 75.

³ См. подробно: Маковский А.Л. О кодификации гражданского права. М., 2010. С. 409.

торговое право. Подобная практика, по словам Р. Паунда, стала возможна прежде всего по причине пробельного характера собственно американского торгового права в данном вопросе, тогда как французское коммерческое право в рассматриваемый период времени являлось достаточно разработанной системой⁴.

Что касается публичных начал французского правопорядка, то и они, безусловно, стали предметом многочисленных копирований со стороны юридических школ по всему миру. Так же как французский Гражданский кодекс являлся своего рода прецедентом дела и духа для многих национальных правопорядков, так и Декларация прав человека и гражданина 1789 г. стала своего рода ценностным базисом для построения государств, вставших на либерально-демократический путь развития. К настоящему времени Франция, безусловно, хотела бы сохранить некогда завоеванный статус флагмана демократического общества. Так, в частности, Ф.-Х. Приоло и Д. Сирицки полагают, что «Франция должна взять на себя функции *leadership* как выразителя общеевропейских ценностей и социальных моделей развития»⁵.

Важно также заметить, что во многом энергетический потенциал французской правовой системы стал базовым началом для развития многочисленных национальных правопорядков благодаря плодотворной деятельности французских ученых-юристов. Так, проф. Р. Давид принимал активное участие в разработке в 1950 г. Гражданского кодекса Эфиопии, проф. Ж. Эскарра – в создании в 1920 г. Гражданского кодекса Китая⁶, латиноамериканские юристы активно обращались к французской юридической доктрине при создании аутентичных юридических формул, конструкций и систем координат.

Значительное распространение ценностных составляющих французской правовой системы произошло и благодаря многочисленным презентациям социальной мобильности в научно-педагогической сфере юриспруденции⁷; созданию

информационных ресурсов, содержащих различные переводные материалы по французскому праву⁸, а также разнообразных коммерческих и некоммерческих фондов и организаций, ведущих профранкофонную линию развития⁹, и открытию в различных странах мирах французских юридических бюро и кабинетов.

Наибольшее же влияние французского права по вполне объективным причинам испытали на себе территории колониального господства Франции в регионах традиционного права.

Каковы же основные векторы дисперсии французского права мы в данном случае можем проследить?

В первую очередь следует говорить о дисперсии строго нормативного направления, проявляющейся в следующих основаниях традиционных правовых систем колониального периода развития.

I. Дуализме форм социального регулирования общественных отношений. Отныне не только обычай начинает регулировать огромный комплекс возникающих в социуме общественных отношений, но и перенесенные из Европы французские юридические нормы.

II. Дифференциации обычного туземного права согласно модусам французской юриспруденции.

Если в доколониальную эпоху можно было говорить о равной юридической силе и правовом статусе всех существующих обычных юридических норм, то после колонизации обычные нормы были разделены на три крупных блока: 1) нормы, содержание которых включается в тот или иной нормативный правовой акт и (или) судебный акт; 2) обычаи, сохранившие за собой статус полноправного регулятора общественных отношений наравне с законом и иными нормативными правовыми актами; 3) обычаи, выведенные колониальными властями из употребления.

III. Трансформации отдельных институтов туземного права под влиянием французских ценностных базисов. Так, было ограничено действие,

⁴ См.: *Pound R. The influence of the Civil law in America // Louisiana law Review. 1. 1938.*

⁵ *Priollaud F.-X., Siritzky D. Que reste-t-il de l' influence française en Europe? Paris, 2011. P. 165.*

⁶ *L influence internationale du droit français. Étude adoptée par L Assemblée générale du Conseil d' État le 19 juin 2001. Paris, 2001. P. 54.*

⁷ По оценкам специалистов, число иностранных студентов на юридических факультетах французских университетов неуклонно растет. Прогрессия составляет около 13.5 % в год. Правительство Франции в данной связи создает значительный режим благоприятствования путем учреждения различных стипендиальных программ для научных

работников, преподавателей, докторантов и студентов из зарубежных научных школ. С 1998 г. в Министерстве образования Французской Республики действует специальное агентство Edufrance, в функции которого входят разработка и реализация международной образовательной политики.

⁸ Официальным источником опубликования законодательного массива Французской Республики, содержащим, в том числе и переводные материалы, является сайт Legifrance.

⁹ К таковым фондам, в частности, можно отнести Фонд развития континентального права, Ассоциацию А. Капитана, Институт Рене Кассена, Международную ассоциацию высших административных судов, объединяющих порядка 80 национальных юрисдикций.

а в отдельных регионах и вовсе прекратил свое существование институт “коллективной юридической ответственности”.

Дисперсия французского права в полной мере проявила себя и в институциональном звене традиционных правовых систем, оказав непосредственное влияние на формирование двухзвенной модели правосудия:

первое звено – калькирование французской судебной системы (распространилось на так называемое европейское население метрополии);

второе звено – туземная судебная юстиция.

С момента обретения бывшими колониями независимости полностью юридические связи с французским правом в указанных регионах прерваны не были. Как писал французский исследователь Ж. Конак, становясь суверенными, молодые государства “выступили как бы в роли правопреемника и наследника колониального государства. При этом независимость не могла сопровождаться полным разрывом с правом, уже переданным колониальным законодателем и судьей”¹⁰.

Итак, как видим, избрав для себя с самых первых шагов генерации транспарантную модель развития, французская правовая система оказала существенное влияние на формирование юридической карты мира. Начиная же с эпохи победного шествия интеграционного права, прежде всего, общеевропейской формации, в полной мере стали проявлять себя не только прямые, но обратные связи между французской правовой системой и внешней по отношению к ней юридической средой. Франция постепенно становилась не только актором в генерации мирового юридического пространства, но и реципиентом юридических догм, конструкций и ценностей.

В чем же проявилось детерминированное влияние европейского интеграционного поля на развитие французского правопорядка?

Как мы помним, единая Европа как сфера должного становилась предметом дискуссий, рассуждений и многотомных научных трактатов с достаточно давних времен. Однако реальные шаги по объединению больших и малых, полиядерных и моноядерных по своей правовой ориентации стран в единое европейское пространство можно было наблюдать только с середины XX столетия. Франция, надо отметить, сразу включилась в общеевропейские интегративные политико-правовые проекты, став наряду с Бель-

гией, Италией, Люксембургом, Нидерландами и ФРГ их пионером.

Конституционные основы пролонгации европейского права во французском юридическом пространстве были заданы ст. 88-1 Конституции, введенной в действие Конституционным законом от 25 июня 1992 г. Данная статья, в частности, гласит, что “Республика участвует в Европейских сообществах и в Европейском Союзе, образованных государствами, вошедшими в них свободно для совместного осуществления определенной компетенции на основании международных договоров, которые эти государства выработали. Республика может участвовать в Европейском Союзе при соблюдении условий, предусмотренных подписанным 13 декабря 2007 г. Лиссабонским договором, изменяющим Договор о Европейском Союзе, и Договором, учреждающим Европейское сообщество”¹¹.

В вопросах же пролонгации на социальном поле страны, так называемой общеевропейской Конституции, Франция заняла консервативную позицию. На референдуме по данному вопросу, организованном 29 мая 2005 г., граждане страны высказались вполне однозначно “против” указанной инициативы.

Говоря об общеевропейской интеграции, не следует также забывать и о практике реализации положений Европейской конвенции о защите прав человека во французском юридическом поле. Первоначально судебная практика Франции занимала весьма “прохладную” позицию в отношении приспособления собственной правовой системы к реалиям такого надстроечного механизма защиты прав человека, как указанный выше статут. Так, Кассационный суд Франции поначалу не связывал каких-либо последствий с переменной пола и отказывался вносить изменения в реестр гражданских состояний после проведения хирургического вмешательства. 25 марта 1992 г. по жалобе лица, изменившего пол, Европейский суд осудил Францию за нарушение ст. 8 Конвенции и постановил, что на основании решений французского права “заявитель постоянно находится в ситуации, несовместимой с должным уважением к его частной жизни”. Таким образом, в первый раз Франции поставили в упрек нарушение, которое проистекает из применения национальных норм права. А 11 декабря следующего года Кассационный суд изменил свою судебную практику: два пленарных постановления привели французскую

¹⁰ Conac G. La vie du droit en Afrique. Dynamiques et finalités des droits africains. Paris, 1980. P. 14.

¹¹ Конституции зарубежных государств / Сост. В.В. Маклаков. М., 2009. С. 112.

практику в соответствии с требованиями Конвенции, интерпретируемой Страсбургским судом¹².

В целом же магистральными векторами в эволюции французской правовой системы, связанными с европейской интеграцией, следует считать тенденции к ее интернационализации и конвергенции с правовыми порядками других европейских государств.

Достаточно иллюстративно проявила себя указанная выше конвергенционная тенденция в деле “Касис де Дижон”. Французский ликер под этим названием был запрещен к продаже в ФРГ в связи с тем, что он не соответствовал стандартным требованиям к ликеру, установленным действующими правовыми предписаниями ФРГ, которые предусматривают содержание спирта в ликере не менее 25%, в то время как французский ликер содержит примерно 17%. Суд ЕС признал меры, принятые ФРГ, равнозначными скрытому ограничению свободы передвижения товаров, противоречащими праву ЕС, и установил, что соответствие товара принятому стандарту определяется законом страны производства, а не потребления. Таким образом, через казуальный путь функциональности было вызвано к жизни следующее абстрактное правило, лежащее в плоскости конвергенции правовых систем членов Европейского Союза и направленных на создание общего экономического рынка между ними: “Любой продукт, законно произведенный и продаваемый в одном государстве – члене, должен в принципе быть допущен на рынок любого другого государства – члена”¹³.

Что касается интернационализации права согласно общеевропейской модели, то она, по сути, основывается на трех ключевых базисах.

I. Приоритете международного права над национальным;

II. Прямом действии отдельных составляющих общеевропейского права.

III. Наличии наднациональных правовых юрисдикций¹⁴.

В отношении Франции мы можем проследить следующие функциональные проявления представленной выше конструкции.

I. Начиная с 1946 г. Франция прочно встала на путь приоритета международного права над национальным. Статья 55 ныне действующей Конституции 1958 г. называет три основных условия действия данного принципа на территории Французской Республики: ратификация, опубликование соответствующих международных договоров и соглашений и взаимный характер обязательств, которые берут на себя государства в связи с их подписанием.

В случае с Францией надо также обратить особое внимание и на находящийся пока в состоянии непрерывного развития и незавершенности собственного эволюционного пути институт общеевропейского интеграционного права. С одной стороны, данный пласт наднационального права можно оценить как определенный региональный вариант международного права, как такового, (в традиционном его звучании). Но с другой, оно настолько специфично, что отдельные исследователи как в России, так и за рубежом склонны говорить о его особой роли в надгосударственной системе правового регулирования.

Так, проф. М.Н. Марченко выделяет, в частности, следующие характерные особенности представленного выше института по отношению к международному публичному праву:

1. Одна из важнейших особенностей европейского права состоит в том, что на основе согласования воли суверенных государств, находящей свое выражение и проявление в учредительных договорах, формируется не все право, а лишь базовая его часть – так называемое первичное право.

2. В европейском праве, как и в международном, актуализируются не только свои собственные особые субъекты права. Так, полноправными субъектами европейского права, в отличие от международного права, где физические лица обладают правоспособностью в “ограниченном объеме”, являются также граждане Европейского Союза, в качестве которых выступают лица, имеющие гражданство государств – членов.

3. В системе международного права исходные договорные акты не меняют своего международно-правового характера, независимо от каких бы то ни было обстоятельств, в то время как в системе европейского права происходит постепенная трансформация международно-правовых актов во внутриевропейские по своему характеру акты.

4. На глобальном уровне общепризнанные принципы и соотносящиеся с ними нормы меж-

¹² См.: *Леже Р.* Великие правовые системы современности. М., 2009. С. 40.

¹³ В дальнейшем теоретические максимы представленного выше дела были положены в основу ст. 34 Лиссабонского договора: “Между государствами – членами запрещаются количественные ограничения на импорт, а также любые равнозначные меры” (в ред. Маастрихтского договора данная норма была закреплена в ст. 28).

¹⁴ См.: *Mondialisation et Etat de droit sous la direction D. Muckle.* Bruxelles, 2002. P. 147.

дународного права обладают безусловным приоритетом в случае возникновения коллизий по отношению как к первичному, так и ко вторичному европейскому праву. В то же время на региональном уровне нормы международного права, содержащиеся, например, в договорных актах, между государствами – членами Европейского Союза, имеют примат лишь над вторичным, но отнюдь не перед первичным европейским правом¹⁵.

В любом случае, останавливаться ли подробно на названных выше специфических особенностях европейского права по сравнению с правом международным или нет, следует признать один бесспорный факт – данный вариант региональной интеграции прочно вошел в национальные пределы современной Франции. При этом не всегда само европейское право можно признать симфоничным французскому национальному феномену, как таковому. Проиллюстрируем указанное утверждение на одном лишь из положений Европейской конвенции о защите прав человека. В ст. 6 данного правового акта подчеркивается, что “каждый в случае спора *о его гражданских правах и обязанностях или при предъявлении ему любого уголовного обвинения* имеет право на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок независимым и беспристрастным судом...” (Выделено нами. – М.З.). Таким образом, традиционный для Франции институт административной юстиции остается, по сути, за рамками действия данной Конвенции¹⁶.

Не следует также забывать, говоря о европейском праве, как таковом, что верховенство его над правом национальным, в отличие от международного классического права, напрямую не получило своего подтверждения ни в учредительных, ни в последовавших за ним договорах или изданных на их основе и в их развитие нормативно-правовых актах. На сегодняшний момент времени актуализация данного принципа установлена на

уровне судебного органа Союза – Суда справедливости¹⁷.

Таким образом, Франция, как и другие страны Европейского Союза (в том числе и страны континентально-европейской ориентации), была вынуждена признать указанный выше принцип, хотя *de jure* источником его вербализации стала не власть учредительная, а власть судебная¹⁸.

II. Что касается второго из названных выше столпов европейской интернационализации права – принципа прямого действия общеевропейского права, применение которого на практике, безусловно, трансформирует традиционные, доглобализационные представления о механизме правового регулирования в странах – участниках ЕС, его реализация на практике подчинена ряду концептов:

Первый: не все источники права Сообщества имеют характер актов прямого действия. Только регламенты и решения следует относить в безапелляционном порядке к актам прямого действия.

Второй: отдельные правовые акты Сообщества при одних условиях следует относить к актам прямого действия, при других – опосредованного исполнения. Речь идет, в частности, о директивах.

III. Обращаясь к проблеме “институциональных оков”, которые неминуемо начали проявлять себя в связи с присоединением Франции к тем или иным европейским юрисдикциям, следует особое внимание обратить на:

A. Европейский Суд по правам человека.

B. Европейский суд (European Court of Justice).

а) Европейский Суд по правам человека – одно из заметных свидетельств современной правовой глобализации. В его функциональных шагах мы видим безусловные данности гуманизации фран-

¹⁵ См.: Марченко М.Н., Дерябина Е.М. Право Европейского Союза. Вопросы истории и теории. М., 2010. С. 418–429.

¹⁶ Как следствие, по отдельным делам, ни со связанным с осуществлением гражданских прав, ни с имеющим уголовно-правовую природу, граждане не могут получить адекватную защиту в рамках юрисдикции Европейского суда по правам человека. Так, в частности, по указанным мотивам ЕСПЧ отказал в удовлетворении жалоб, касающихся нарушений избирательного права, указав при этом, что избирательное право следует относить к политическим, а не к гражданским правам.

По тем же причинам жалобы на действия административной полиции, не связанные с наложением уголовных санкций, также оказывались за рамками действия данной юрисдикции.

¹⁷ Начало пролонгации принципа верховенства права Европейского сообщества по отношению к праву государств – членов было положено в результате вынесения решения по делу “Коста” (Costa v. ENEL) еще в 1964 г.

¹⁸ Определенным изъятием из указанного выше принципа следует считать то обстоятельство, что ряд сфер правового регулирования остается для его пролонгации закрытым полностью или фрагментарно. К ним, в частности, можно отнести отношения Евросоюза и государств-членов в общей внешней политике безопасности (так называемая вторая опора Европейского Союза), а также отношения, складывающиеся в области сотрудничества полиции и судебных органов государств – членов в уголовно-правовой сфере (так называемая третья опора Европейского Союза) (см. подробнее: Марченко М.Н., Дерябина Е.М. Указ. соч. С. 385, 386).

цузского правового феномена. Представляется очевидным, что в первую очередь пролонгация данного института напрямую повлияла на эволюцию институционального элемента правовой системы, наращивая ее надстроечным правовым полем. Однако говорить о том, что в данном случае трансформации подвергся только организационный пласт правовой системы, ошибочно. Все без исключения ее элементы стали плодотворной нишей для преобразований. Так, в частности, именно по “требованию страсбургского права” были внесены изменения в законы страны, касающиеся прослушивания телефонных переговоров¹⁹, помещения в психиатрическую больницу²⁰. В данной связи нельзя не отметить и знаменитое дело “Валлэ”²¹, решение по которому с необходимостью вызвало к жизни принятие Декрета от 12 июля 1993 г., определившего условия, в соответствии с которыми фонд по предоставлению компенсации лицам, ставшим носителями ВИЧ-инфекции в результате переливания не прошедшей контроля крови, может осуществлять право в порядке суброгации в гражданском судопроизводстве;

б) Европейский суд наряду с высшими судебными инстанциями самой Франции вносит сильную лепту в дело конвергенции базовых для Европейского континента правовых сообществ: континентального и англосаксонского. При этом следует заметить, что формируемые Европейским судом прецеденты отличаются качественным своеобразием по отношению к классическому судебскому праву англосаксонской формации:

они актуализируются не под традиционной максимой общего права, а скорее выступают в виде “общих принципов права”²²;

в их структуре достаточно сложно проследить грань между *ratio decidendi* (сущность решения) и *obiter dictum* (попутно высказанное)²³;

как подчеркивают специалисты, несмотря на то что в правовой системе Европейского Союза “прочно установился принцип несвязанности Европейского суда своими решениями”, “каждый

отход Суда от своих решений должен быть обоснован и доказан”²⁴;

и наконец, что особенно важно подчеркнуть, в рамках системной связи “судебный прецедент – национальное право государства – члена ЕС” нет строгой официально признанной иерархической связи²⁵. По сути, епархия Европейского суда начинается, заканчивается и очерчивается сугубо рамками общеевропейского права, как такового²⁶.

Помимо эффектов конвергенции и интернационализации права интеграция Франции в европейское сообщество существенно влияет и на онтологию классических институтов государственной организации общества: институты “гражданства” и “территории”, что, в свою очередь, приводит к трансформации конструкции “правового государства” как ценностного форпоста в организации правопорядков прозападного типа. Речь в данном случае идет о следующем. Согласно классическим максимам гуманитарной науки, получившим в том числе и легальное подтверждение, гражданство представляет собой социальную связь²⁷

²⁴ Там же. Р. 533.

²⁵ См.: *Graig P. and Harlow C. Lawmaking in the European Union. L., 1998.* Такая иерархическая связь в безусловном порядке и на уровне должного, и на уровне сущего присутствует в системе отношений между Европейским судом и судом первой инстанции (The Court of First instance of the European Communities).

²⁶ Так, например, положения знаменитого решения по делу “Van Duyn”, вынесенные Европейским судом в 1974 г. и резолитирующие в себе общую максиму прямого действия директив как источников общеевропейского права, не нашли подтверждения в национальных правопорядках ни Испании, ни Франции, ни Германии, ни Италии. В своем решении по делу “Cohh-Bendit” от 22 декабря 1978 г. Государственный совет Франции, в частности, указал, что европейские директивы могут считаться источником права прямого действия только в качестве исключения, а не общего правила.

В дальнейшем и сам Европейский суд подтвердил выводы национальных юрисдикционных органов по данному вопросу. Так, в решении Европейского суда по делу “Marshall” 152/84 (1986) было отмечено, что директива может обладать прямым действием только в том исключительном случае, когда она в ясной форме наделяет частных лиц правами, которым корреспондируют обязанности органов публичной власти (речь идет о так называемых вертикальных правоотношениях) (см. подробнее: *Кашкин С.Ю., Калининченко П.А., Четвериков А.О. Введение в право Европейского Союза. М., 2010. С. 102, 103).*

²⁷ Качественные характеристики подобного рода связи могут быть различны. Так, современная международно-правовая доктрина исходит из конструкции устойчивости и правового характера связи личности и государства и как следствие невозможности лишения статуса гражданина соответствующего физического лица. В СССР же гражданство, напротив, представляло собой политико-правовую связь гражданина с государством, т.е. если человек не разделял политических ориентиров государства, он мог быть лишен статуса гражданина Советского Союза.

¹⁹ См. подробнее: *Loi № 91-646 du 10 juil. 1991, J.O., 13 juil 1991.*

²⁰ См. подробнее: *Loi № 90-527 du 27 juin 1990, J.O., 30 juin 1990.*

²¹ См.: решение Европейского суда по делу *Valeev. France* от 26 апр. 1994 г.

²² См.: *Hartley F. Federalism. Court and Legal Systems. The Emerging Constitution of the European Community // The American Journal of Comparative Law. 1986. Vol. 34. P. 242.*

²³ *Arnulf A. The European Union and its Court of Justice. Oxford, 1999. P. 529.*

между государством и личностью. Идея же общеевропейского гражданства, реализация которой стала возможной в связи с принятием Договора о Европейском Союзе 1992 г., определенным образом меняет саму конструкцию гражданства, как такового. Возникает вполне закономерный вопрос: о связи какого рода идет в данном случае речь? Согласно ныне действующей конструкции институт общеевропейского гражданства носит дополнительный характер по отношению к гражданству национальному, и его приобретение (или, напротив, утрата) непосредственно связано с наличием или отсутствием гражданства соответствующей страны-участницы ЕС. Оно дополняет собой национальное гражданство, но не подменяет его. В частности, граждане Союза обладают следующим комплексом прав:

право свободно передвигаться и проживать на территории государств-членов;

право избирать и быть избранными на выборах в Европейский парламент, а также на муниципальных выборах в государстве-члене, где они проживают, на тех же условиях, что и граждане данного государства;

на территории третьей страны, где не представлено государство-член, гражданами которого они являются, – право пользоваться защитой со стороны дипломатических и консульских учреждений любого государства-члена на тех же условиях, что и граждане данного государства;

право направлять петиции Европейскому парламенту, подавать жалобы Европейскому омбудсмену, а также право обращаться к институтам и консультативным органам Союза на любом из языков договоров и получать ответ на том же языке²⁸.

Однако, как верно отмечают специалисты в области права Европейского Союза, институт общеевропейского гражданства находится на этапе становления²⁹. И сегодня определить в доподлинном ключе вектор его эволюционного роста не представляется возможным.

Некоторые вопросы возникают и с территорией государств, нерушимость границ которых была сильно подорвана в связи с присоединением Франции к так называемым Шенгенским соглашениям, вступившим в законную силу 26 марта 1995 г.

Согласно представленным выше документам для стран – участниц соглашений актуализируется конструкция единой визы, открывающая перед

своим обладателем двери целой совокупности больших и малых стран, границы между которыми теперь открыты для свободного передвижения как собственных граждан, так и иностранцев. На территории Европы формируется то, что критики называют “FortesEurope” (крепость Европа)³⁰.

Остается ли место при таком развитии событий для пролонгации института “крепости – национального государства”, и в частности Франции как бастиона аутентичных политико-правовых ценностей? Вопрос и в данном случае остается открытым. С одной стороны, сами Шенгенские соглашения в потенциале отчасти реализуют в себе общие максимы поддержания национальной безопасности соответствующих государств шенгенской зоны³¹. С другой – многие детерминанты прежде всего социально-экономического свойства могут расходиться с общим интегративным вектором шенгенского процесса.

Говоря о проблеме включенности французской правовой системы в европейское интеграционное поле, следует также остановиться на вопросе о месте общеевропейского права в иерархии юридических норм.

Как видим из представленной пирамидальной конструкции³², к настоящему времени француз-

²⁸ Кашкин С.Ю., Калинин П.А., Четвериков А.О. Указ. соч. С. 214.

²⁹ Там же. С. 212.

³⁰ См.: Шенгенские соглашения / Сост. и вступ. ст. С.Ю. Кашкина, А.О. Четверикова. М., 2000. С. 3, 4.

³¹ В данной связи обращают на себя внимание положения ст. 40 и 41 Конвенции “О применении Шенгенского соглашения от 14 июня 1985 года о постепенной отмене проверок на общих границах”, где, в частности, закреплено, что “полицейский из одной страны может пересекать границы и продолжать наблюдение или преследование по горячим следам тех лиц, которые подозреваются в совершении преступлений или которые скрываются из мест лишения свободы” (цит. по: Шенгенские соглашения. С. 19).

³² См. подробно: Pactet F. Mélen-Soucramanien. Droit constitutionnel. Paris, 2012. P. 541.

ская правовая доктрина заняла по данному вопросу весьма консервативную позицию, установив приоритет Конституции (конституционного блока) над иными правовыми установлениями, не исключая международных. Решающую роль в формировании подобного рода правовой позиции сыграла, безусловно, французская судебная практика. В 1998 г. Государственный совет Французской Республики в решении по делу “*Sarran*”³³ указал на то, что “принцип приоритета норм международного права над национальными нормами не распространяется на юридические положения, имеющие конституционную природу”. Двумя годами позже Кассационный суд в деле “*Pauline Fraise*”³⁴ подтвердил выводы своих коллег.

Таким образом, представляется очевидным, что интеграция Франции в общеевропейское социальное пространство неминуемо привела к трансформациям внутри национальной правовой системы. Речь в данном случае идет:

I. О повышении уровня ее конвергенции и интернациональности.

II. О преобразованиях внутри нормативной (режимы дополнения³⁵ и замещения правовых

норм), интерпретационной (расширение аргументационной базы при вынесении судебных решений³⁶) и правоприменительной составляющих правовой системы³⁷.

Сегодня французский правопорядок, как и большинство правовых систем современного мира, по образному выражению проф. Л.М. Диез-Пиказо³⁸, можно сравнить с “*Enigme du Meccano*”³⁹ – лоскутным одеялом, сотканным из правовых и социальных блоков регламентаций различных уровней и источников происхождения. Однако сказать, что французская правовая система, развиваясь в подобном ключе, полностью потеряла свою национальную идентичность – тезис также сколь громкий, столь и безосновательный. Как будут развиваться события далее – покажут время и люди, которые это время творят.

³³ Подобные явления обмена аргументационными судебскими базами между национальными и международными системами, по справедливому замечанию Ж. Аллара и А. Гарапона, представляют собой не что иное, как настоящий “горизонтальный форум судей”, который впоследствии может привести к своего рода “юридическому эсперанто”. Таким образом, далее продолжают Ж. Аллар и А. Гарapon, судьи в условиях глобализации могут стать творцами своего рода общего права (см. подробнее: *Allard J., Garapon A. Les juges dans la mondialisation. La nouvelle revolution du droit.* Paris, 2005. P. 11–23).

³⁴ Если, в частности, обращаться к практикам Европейского суда, то мы увидим, что одним из методологических оснований вынесения решения в представленном органе становится индуктивный прием, свойственный правовым системам зоны Common Law, а не традиционный для стран континентально-европейской правовой ориентации дедуктивный метод правообразования.

³⁵ См. подробнее: *Ponthoreau M.-C. Droit (s) constitutional (s) compare (s).* Paris, 2010. P. 143, 144.

³⁶ *Enigme du Meccano* – головоломка-конструктор для детей, изобретенная в начале XX в. Ф. Хорнби, основавшего впоследствии фирму Мессано.

³³ См. подробно: СЕ. 1998. 30 oct.

³⁴ Ass. plén. 2 juin 2000.

³⁵ Одной из самых открытых сфер для правовых трансплантаций остается гражданское право. По оценкам специалистов, в указанной сфере регламентации из-под пера творцов *droit communautaire* вышло порядка 17 тыс. правовых актов (см.: *Leca A. Les métamorphoses du droit français.* Paris, 2011. P. 300).

В будущем сближение правовых систем стран-участниц ЕС мыслится в гораздо более тесном ключе. Известна, в частности, инициатива гармонизации контрактного права ЕС, в более отдаленной перспективе – создание даже Общоевропейского кодекса частного права.